

Глава 38. Былые сны (9)

Чао Шэн впал в такое замешательство, что не знал, куда деть руки.

— Дурман? Я... я не... — лепетал он. — Я правда ничего не смыслю во всех этих вышивках и травах.

Он упорно отводил взгляд, и было неясно: то ли он совершенно не умеет лгать, то ли просто до смерти напуган. Но что именно заставляло его так дрожать? Жун Жо покосился на соседнюю комнату.

— Чао Шэн, ты здесь один живешь?

Тот окончательно задеревенел, а губы его мелко задрожали.

— Я... нет. Ко мне племянница из деревни приехала, погостить на пару дней. Захворала она, в столицу за лечением прибыла. Вот у меня и приютилась... временно...

Жун Жо посмотрел на него с невинным любопытством.

— И чем же она больна? Я немного смыслю в медицине, позволь мне её осмотреть.

Чао Шэн смертельно побледнел.

— Не... не нужно, — пробормотал он, заикаясь. — Ей уже лучше. Лекарь выписал снадобье, попьёт несколько дней — и на поправку. Только ей... солнечный свет вреден.

Любому стало бы ясно, что Чао Шэн ведет себя более чем подозрительно. Жун Жо не стал настаивать.

— Что ж, и славно. Старший брат Чу, идем.

Цзян Ехун сразу понял намек и молча последовал за ним. Стоило им отойти от дома, как он спросил:

— В той комнате кто-то прячется?

Жун Жо увлек его за угол, скрывшись из виду.

— Тот, кого нам не должны были показывать. Чао Шэн напуган до предела, уверен, здесь

кроется какая-то тайна. Подождем: он ни за что не оставит её там и обязательно попытается её спровадить.

— Думаешь? — усомнился Цзян Ехун. — Но не логичнее ли дождаться темноты?

— Нет, — покачал головой Жун Жо. — Он в таком паническом состоянии, что не вытерпит и часа.

И действительно, едва он договорил, калитка скрипнула. Чао Шэн, воровато озираясь, вывел со двора женщину в широкополой шляпе с вуалью-вэйцзе.

— Скорее уходи! — шептал он, подталкивая её. — Дорогу помнишь? Уходи и не возвращайся.

Девушка ничего не ответила. Она лишь на мгновение крепко сжала руку Чао Шэна, словно прощаясь, и, подхватив узел с вещами, поспешно скрылась в переулке. Цзян Ехун и Жун Жо тенью последовали за ней. Почувяв слезку, незнакомка то и дело испуганно оборачивалась. В конце концов Цзян Ехун одним прыжком преградил ей путь, а Жун Жо заблокировал дорогу назад.

— Вы ведь У Сяомэн, не так ли? — мягко спросил Жун Жо.

Девушка вцепилась в свой узелок и не проронила ни звука. Цзян Ехун не скрывал изумления:

— У Сяомэн?

— Когда мы вошли к Чао Шэну, я заметил её руку, — пояснил Жун Жо с легкой улыбкой. — На кончиках пальцев — грубые, застарелые мозоли. У Хуэйюнь годами принуждала её к вышивке, такие следы не спрячешь.

Девушка медленно сняла шляпу. Её глаза глубоко запали, а лицо осунулось — было видно, что она не спала много ночей подряд.

— Рассказывай, что здесь происходит, — потребовал Цзян Ехун.

— Я догадываюсь, — отозвался Жун Жо. — Слуги семьи У сговорились, чтобы помочь ей бежать.

У Сяомэн закусила губу.

— Дядя У Шунь и остальные — добрые люди, — глухо проговорила она. — У Хуэйюнь убила не я. И не они.

— Тебе нечего бояться, — примирительно произнес Жун Жо. — Просто расскажи нам правду.

Девушка смахнула набежавшую слезу.

— Дядя У Шунь и остальные помогли мне только из благодарности к моим родителям. Они рисковали всем, чтобы я смогла спастись.

— Твоим родителям? — Цзян Ехун нахмурился.

— Меня зовут не У Сяомэн. Моё настоящее имя — Гу Мэнъи. Мой отец — Гу Цзишэн из медицинской лавки семьи Гу.

Это известие поразило даже Жун Жо.

— Дочь Гу Цзишэна? — переспросил он. — Но ведь говорили, что когда толпа ворвалась в медицинскую лавку, ты и твоя мать...

— Чушь! — выкрикнула Гу Мэнъи, и в её голосе зазвучала ярость. — Какие ещё «разгневанные люди»? Это были У Хуэйюнь и Фу Юдао — два гнилых выродка! Именно они подстрекали толпу. У Хуэйюнь затаила злобу на моего дядю за то, что он отказался на ней жениться. К тому же она страстно желала заполучить секреты вышивки моей матери. А мама не была из тех, кто прячет свое мастерство. Когда та захотела обучиться сучжоуской вышивке, она ничего не утаила, всё рассказала! Но у этой бездарности руки росли не из того места, выходило у неё нечто уродливое. И вместо того чтобы винить себя, она возненавидела мою мать, обвинила её в сокрытии тайн и начала распускать гнусные слухи о ней и моём дяде.

Гу Мэнъи задыхалась от гнева, её губы начали синеть. Опершись на стену, она долго пыталась унять дрожь.

— А Фу Юдао? Этот подонок лишен всякой врачебной этики. Он ненавидел отца за то, что тот лечил бедняков даром, из-за чего в его собственную лавку никто не шел. И в итоге он украл рецепт, который отец годами разрабатывал для борьбы с чумой!

Девушка говорила всё лихорадочней.

— Когда вспыхнула моровая язва, власти перекрыли улицу Чунмин. Мой отец раздавал лекарства, спасая жизни, а они в это время внушали людям, что болезнь пришла из-за его «излишней доброты». Толпа ворвалась в медицинскую лавку, круша всё на своем пути. Они грабили наш дом, отнимали еду и рецепты. Мою мать толкнули, она упала, ударилась головой о каменную ступень и истекла кровью прямо там... А У Хуэйюнь, эта дьяволица, рылась в вещах, надеясь найти секретные свитки по вышивке. Не найдя ничего, она похитила меня. Заперла и колола иглами, требуя выдать тайны мастерства. И только когда убедилась, что я действительно ничего не знаю, заставила меня работать на неё, превратив в рабыню.

Гу Мэнъи замолчала, глядя в пустоту. Цзян Ехун почувствовал, как внутри закипает гнев: эти двое заслуживали смерти. Быть до такой степени ничтожными, чтобы ненавидеть чужую добродетель...

— Так я и думал, — процедил он. — Фу Юдао никогда бы не составил такой рецепт сам. Краденое, всё краденое.

— Значит, У Шунь и остальные — те самые люди, которым когда-то помогал твой отец? — спросил Жун Жо.

Гу Мэнъи бессильно кивнула.

— Да, дядя У Шунь узнал меня. Они с Чао Шэном придумали, как вытащить меня из этого ада. В тот день мы с У Хуэйюнь крупно повздорили, я пригрозила ей ножницами и сбежала. С тех пор я пряталась у Чао Шэна. Я не убивала её. Да, я ненавижу её всей душой, я бы в клочья её разорвала, но убить так просто? Нет, для неё это была бы слишком легкая смерть.

Она не лгала. Годы мучений иссушили её душу и тело, у неё просто не хватило бы сил на столь изощренный план. Жун Жо внимательно посмотрел на неё:

— Госпожа Гу, я сочувствую вашему горю, но пока следствие не закончено, вам нельзя покидать столицу. Вернитесь к Чао Шэну и затаитесь. Что скажете?

— Хорошо, — безразлично ответила она. — Мне всё равно некуда идти.

Она побрела назад, словно живой призрак. Цзян Ехун дождался, пока за ней закроется дверь, и обернулся к напарнику:

— Ты уверен, что это не она?

— Совершенно, — кивнул Жун Жо. — Видел, как посинели её губы при волнении? У неё застарелое истощение и малокровие. Она едва на ногах держится, куда ей затащить тело У Хуэйюнь на второй этаж, да еще и подвесить к балке?

— Справедливо, — согласился Цзян Ехун. — Тогда, может, У Шунь и его товарищи?

— Возможно. Нужно проверить их еще раз.

— Погоди, — вдруг вспомнил Цзян Ехун. — А почему ты не спросил, не она ли подложила дурман в мешочек с травами? Её отец был лекарем, она должна понимать в медицине больше обычных людей.

Жун Жо негромко рассмеялся.

— Верно подмечено. Но не забывай: она была в плену семь лет. Её рассудок едва ли сохранил ясность. Думаешь, в таком состоянии можно продумать тонкое отравление?

— Но у неё были помощники, — не сдавался Цзян Ехун.

— Будь у них такой план, — возразил Жун Жо, — они могли бы прикончить У Хуэйюнь тихо и без шума. Зачем им устраивать это театральное представление и привлекать наше внимание?

Цзян Ехун вынужден был признать правоту его слов:

— И то верно. Что ж, пойдем допросим У Шуня.

В портняжной лавке У царило уныние. После исчезновения мастерицы заказы остались невыполненными, и заказчики один за другим требовали возврата задатка. У Шунь в одиночестве пересчитывал рулоны шелка.

— Что здесь происходит? — спросил вошедший Цзян Ехун.

Старик тяжело вздохнул:

— После пропажи госпожи дела пошли прахом. Господин ловец Чу, неужто появились вести?

Цзян Ехун едва заметно улыбнулся.

— Да, мы её нашли. Гу Мэнъи прячется в доме Чао Шэна.

У Шунь застыл, не в силах вымолвить ни слова. На его лице отразился неподдельный ужас — тайна раскрыта.

— Можешь не волноваться, — успокоил его Цзян Ехун. — Она нам всё рассказала. Мы знаем, что вы помогли ей бежать от хозяйки. Но у меня вопрос: почему вы не обратились в ямэнь?

У Шунь горько усмехнулся.

— Господин ловец, не то чтобы мы не хотели... Но мы простые люди, нам не по плечу тягаться с богатеями. Когда беда случилась с семьей лекаря Гу, многие ходили в ямэнь

свидетельствовать... Мы готовы были подтвердить вину У Хуэйюнь и Фу Юдао, но... ямэнь нам не поверил.

Цзян Ехун нахмурился.

— Почему не поверил?

— Показания записали, и только, — ответил У Шунь. — Никакой кары не последовало. Дело тянули месяцами, пока несчастный лекарь Гу совсем не лишился рассудка. Если бы нам верили, разве остались бы эти двое на свободе?

Против такого аргумента трудно было что-то возразить. Цзян Ехун промолчал, обдумывая услышанное, а затем спросил:

— Скажи честно, вы ведь только хотели спасти девушку? Убивать У Хуэйюнь вы не планировали?

У Шунь вздрогнул.

— Господин ловец, побойтесь неба! Отец госпожи У был ко мне добр, и лекарь Гу тоже... Да, хозяйка творила бесчинства, но я не из тех, кто платит злом за добро. Как бы я посмел лишить её жизни?

Жун Жо достал мешочек с благовониями.

— В этих травах была огромная доза дурмана. Тебе что-нибудь известно об этом?

— Дурман? — У Шунь выглядел искренне ошарашенным. — Кто же мог такое сделать?

Похоже, он действительно был не в курсе. Жун Жо спрятал улику.

— Мы выясним. Кстати, кто подбирал лечебные травы для хозяйки?

— Госпожа считала, что доктор Фу её обдирает, и сменила лечебницу, — пояснил У Шунь. — Надо сказать, там ей действительно помогли, боли утихли. Там же ей и состав для мешочков собирали.

— И где эта лечебница?

— На улице Юньфу, чуть южнее лавки Семи Ароматов. Медицинская лавка семьи Ду.

Жун Жо обернулся к напарнику:

— Старший брат Чу, заглянем туда.

Цзян Ехун тяжело вздохнул. Расследования — штука нудная и изматывающая.

— Одно за другим... Когда же это кончится?

— Как говорится, чтобы найти истину, нужно распутывать нити одну за другой, — мягко улыбнулся Жун Жо.

— Ладно, идем.

По сравнению с просторной медицинской лавкой Фу Юдао, лавка Ду Цзичана выглядела более чем скромно. Когда они вошли, внутри оказался лишь хромой подмастерье, разбиравший травы. На его лице была плотная повязка, которую он поспешно поправил при виде гостей, оставив открытыми лишь темные, внимательные глаза.

— Вам лекаря или за снадобьем? — спросил он сиплым, надтреснутым голосом. — Господин Ду отлучился, придется подождать.

Цзян Ехун с подозрением оглядел фигуру в маске.

— И чего это ты среди бела дня лицо прячешь?

<http://bllate.org/book/17428/1662813>